

родственных черт. Главное место здесь занимает нахождение закономерных фонетических соответствий, прежде всего в словоизменительных аффиксах: для самой же реконструкции праязыка как реального идиома большое значение имеет реконструкция цельных лексем и синтаксических оборотов. В этой связи А. Бернабе кратко оценивает результаты, полученные компаративистами прошлого. Заслуга Боппа и Раска состоит прежде всего в поиске регулярных фонетических соответствий и в сравнении морфологических парадигм индоевропейской группы языков с целью реконструкции морфологии праязыка. Первый фонетический закон был сформулирован Гриммом (он носит его имя). Таблицы фонетических соответствий первым составил А.Ф. Потт. Важный этап знаменовали труды А. Шлейхера, первым попытавшегося реконструировать праязык именно как язык [Schleicher 1861]; однако Шлейхер неоправданно экстраполировал в лингвистику методы биологии, буквально понимая язык как живой организм. Другим существенным недостатком метода Шлейхера, а также его предшественников и современников было произвольное отношение к фонетическим законам, разделение их на "обязательные" и "спорадические". Только младограмматики утвердили положение о непреложном, действующем без исключения фонетическом законе. В их представлении фонетический закон действовал со слепой необходимостью; многочисленные же отступления от него объясняются действием аналогии, наличием в тексте форм, восходящих к разным диалектам единого языка. Недостатки младограмматического подхода хорошо известны: ориентация только на "праязык в момент распада" без учета того, что этот идиом также должен существовать в пространстве и времени; экстраполяция данных древнегреческого и древнеиндийского на праязык (так что в реконструированном праязыке оказалось 8 падежей, 3 числа, несколько глагольных основ). Дешифровка же тохарских и особенно хеттского языка продемонстрировала достаточно архаические индоевропейские языки, характеризующиеся значительно большей простотой грамматической системы.

Среди основных методов сравнительно-исторического исследования А. Бернабе называет поиск неслучайных фонетических схождения. Общая формулировка здесь такова: поскольку лингвистический знак произволен, вероятность случайного схождения плана выражения и плана содержания

знака в разных языках невелика. Наличие же системных схождения (например, в группе лексики, объединенной общим значением) исключает возможность случайного совпадения. Сходство должно объясняться либо заимствованием из одного языка в другой, либо заимствованием из общего источника, либо, наконец, общим наследием предшествующего языкового состояния. Но в этом последнем случае схождения должны быть не спорадическими, а регулярными; иными словами, одному звуку в языке А должен регулярно соответствовать один звук в языке В. Это вполне корректное изложение основ компаративистики, однако оно, на мой взгляд, нуждается в некоторых дополнениях. Соответствие между звуками в языке А и В — не сходство (практика показывает, что восходящие к одному прототипу звуки могут не иметь ничего общего между собой), а *закономерность в различии*. И именно закономерности позволяют установить, что франц. *feu* "огонь" (< лат. *focus*) и англ. *fire* (< прагерм. **fur* < и.-е. **puHr*), несмотря на сходство в звучании и значении, не имеют между собой ничего общего по происхождению; напротив, англ. *wheel* "колесо" и греч. *κόλος* "ось" восходят к единому индоевропейскому этиму **k^helos* "то, что вращается". Однако одних лексических схождения оказывается недостаточно для установления родства языков. Дело в том, что древние заимствования иногда выглядят как истонные соответствия. Так, общеслав. **vinu* пофонемно совпадает с лат. *vinum*; такого же рода фонетические соответствия объединяют **vinu* и *vi-n-cture*. Но в первом случае мы имеем дело с заимствованием, во втором — с истонным соответствием (что устанавливается уже не с помощью применения фонетических законов). Следовательно, для установления языкового родства имеют прежде всего значение незаимствующиеся языковые явления, т.е. словоизменительные аффиксы. Таким образом, наиболее корректная формулировка языкового родства должна звучать так: языки признаются родственными, когда в их словоизменительных аффиксах наблюдаются закономерные фонетические различия.

Кроме классического внешнего сравнения, в сравнительно-историческом языкознании используются и иные методы. Здесь прежде всего следует указать на лингвистическую географию, для которой существенно: является ли язык изолированным (случай исключительный) или же сосед-

стает с другими. В этом случае неизбежно влияние языков друг на друга, проявляющееся на всех уровнях (от фонетического до лексического и синтаксического); оно может быть прослежено с помощью корректной процедуры сравнения. Структурная лингвистика рассматривает как языковую систему, так и асистемные явления, наличествующие в любом языке [Маковский 1980]. Их изучение позволяет понять динамику языкового развития. Определенную роль в компаративистике играют и типологические исследования. Бернабе справедливо указывает на то, что типологические данные не имеют и не могут иметь такой объяснительной силы, как собственно компаративистские. Они позволяют наметить возможные пути развития незасвидетельствованных языковых систем (по аналогии с засвидетельствованными) и наложить запрет на типологически невозможную реконструкцию. А. Бернабе (вслед за П. Сгаллом [Sgall 1971]) выделяет три основных типологических подхода к языку: классификационный, представленный в науке, начиная с Гумбольдта и фон дер Габеленца (разбиение языков на различные типы путем их сопоставления), комбинационный (языковой тип предстает как набор определенных черт: ср. прежде всего типологическую классификацию Сэпира [Сэпир 1993]) и импликационная типология, предложенная Р.О. Якобсоном [Якобсон 1962]: черта А в языке предполагает наличие черты В. В реконструкции же типология оценивается по-разному: от признания ее данных приоритетными (для всякой реконструкции необходимо подыскать ее типологический аналог в живых языках) до полного отрицания ее значимости. Заметим, что методика типологической верификации наиболее четко и ясно разработал Б.А. Серебренников, создав теорию фреквенталий [Серебренников 1974] и показав ограниченность импликационного подхода [Серебренников 1992]. А. Бернабе, не упоминая работ Б.А. Серебренникова, приходит к сходным выводам. К основателям же типологии, вопреки А. Бернабе, следует причислить не только В. фон Гумбольдта, но и братьев Шлегелей.

В сравнительно-историческом исследовании могут использоваться также методы генеративной грамматики. И, хотя сама генеративная грамматика еще далека от решения своих проблем, а возможность ее применения в конкретном лингвистическом исследовании неясна, для компаративистики существует ряд вопросов, ответ на которые

должна дать именно генеративная грамматика: 1) можно ли определить грамматичность или неграмматичность той или иной языковой структуры в лингвистическом реконструкции? Генеративисты обычно ссылаются на "компетенцию говорящего", но как быть, если говорящие на данном языке никогда не были засвидетельствованы? 2) применимы ли вообще правила генеративной грамматики в историческом описании? По первому впечатлению, праязык в представлении компаративистов слишком сложен для применения здесь однозначных правил порождения языковых единиц. Впрочем, существуют попытки интерпретировать классические фонетические законы с позиций генеративной фонологии. Интересны соображения о возможности применения в реконструкции методов психолингвистики. В фонетике интерес представляет исследование экспрессивного произношения, способного видоизменить регулярный фонетический облик слова. В морфологии образцом психолингвистического описания (полезным и для компаративистики) является созданная К. Бюлером теория дейксиса [Бюлер 1993], которая, к тому же, опирается на сравнительно-историческое исследование указательных местоимений, произведенное К. Бругманом. Из прочих методов, применимых в компаративистике, А. Бернабе упоминает социолингвистику, способную дать информацию о развитии словаря²; глоттохронологические и прочие количественные методы, претендующие на установление меры и времени расхождения между отдельными языками.

Особую роль в сравнительно-историческом языкознании занимает процедура внутренней реконструкции, или реконструкции без сравнения. Она предусматривает реконструкцию не засвидетельствованных в непосредственном наблюдении черт языка. Для младограмматизма с его ориентацией на "праязык в момент распада" установка на

² Если говорить точнее, то не только словаря. Фонетический закон, для того чтобы стать принадлежностью языкового коллектива, должен пройти процедуру социализации [Журавлев 1986]. Во многих языках хорошо известны различные проносительные нормы одних и тех же слов и морфем. Они характеризуют различные страты общества. Статус того или иного социолекта имеет немаловажное значение для его истории: престижный идом консервируется, противопоставляясь непрестижному, "необработанному". Ср. оппозицию латыни и романских языков в средневековой Европе, санскрита и праkritов в средневековой Индии.

внутреннюю реконструкцию в праязыке была в общем чуждой, но методы, использованные в ее процессе, эффективны и при изучении предистории засвидетельствованных языков. Дело в том, что внутренняя реконструкция опирается на регулярные исключения из регулярных правил. Поэтому, к примеру, закон Грассмана представляет собой классический образец внутренней реконструкции первоначального облика слов, имевших в своем составе два придыхательных. Наличие редуцированных перфектов типа *δέδωκα*, *λέλοιπα*, *πέποιθα* заставляет видеть в форме *τέφικα* праформу **τέφικα*. Аналогично на основании сравнения парадигмы *μέλι*, род. п. *μέλιτος* *смáкар* – *мáкаρος* можно восстановить праформу номинатива **μέλιτ*. Внутренняя реконструкция в сочетании с компаративной позволяет распределить восстанавливаемые языковые явления на пространственно-временной шкале.

Таким образом, именно посредством применения различных методов удастся реконструировать праязык как реальность, характеризующуюся пространственно-временными параметрами, обладающую строгой, типологически выверенной структурой, в которой исключения из общих правил мотивированы. В этой связи автор рассматривает различные концепции индоевропейского праязыка. Как известно, А. Шлейхер считал реконструкцию главной задачей сравнительно-исторического исследования. Праязык в его представлении был настолько абсолютной реальностью, что он написал на нем знаменитую басню об овце и лошадях [Schleicher 1861]. Подход Шлейхера был подвергнут суровой критике А. Мейе, который указал на гетерогенность данного нам в реконструкции праязыка, разнородность и разновременность многих его черт. С точки зрения Мейе, праязык есть всего лишь совокупность соответствий [Мейе 1938], ср. в этой связи: "реконструкция праязыка была гениальным нововведением, но создание на нем текста было грубой ошибкой" [Мейе 1951: 11]. Еще более критически относились к понятию праязыка Н.С. Трубецкой и представители итальянской школы неолингвистики [Трубецкой 1958]. С их точки зрения, никакого индоевропейского праязыка вообще не было, общие черты индоевропейских языков возникли в результате их длительных контактов. Существенные возражения против целостной реконструкции праязыка выдвинул Э. Пулграм [Pulgram 1961; 1965]. Его критика заключается в том, что реконструкция всегда неполна (о чем

писал и А. Мейе [1938: 113]); отсутствуют методы точного установления языкового родства, так что всегда неясно, насколько родственные языки близки друг другу; для сравнения предлагается языковой материал, относящийся к самым различным эпохам³; пространственная и социальная дифференциация праязыка также делает сомнительной возможность его однозначной реконструкции. Однако Ф.Р. Адрадос [Adrados 1969] (и просоединившийся к нему А. Бернабе) справедливо указывают на то, что возражения Пулграма относятся не к самой возможности реконструкции праязыка, а к его младограмматической интерпретации. Праязык, по мнению Адрадоса, реконструируется частично как реальность, частично как "диасистема" (термин Пулграма, близкий к "совокупности соответствий" Мейе). Целостная реконструкция праязыка невозможна. Но некоторые незасвидетельствованные черты вполне могут быть доступны исследователю на основании косвенных черт. Это внушает определенный оптимизм. Праязык можно реконструировать как пространственно-временное образование, т.е. выявлять в нем черты, относящиеся к различным диалектным формам и периодам времени. Скептицизм Мейе в отношении праязыка сменился пониманием ограниченной возможности его восстановления. И если переписывание басни Шлейхера, осуществленное Г. Хиртом [Hirt 1939], вызвало к себе скептическое отношение, то новая попытка, предпринятая весьма авторитетными лингвистами У.Ф. Леманом и Л. Згустой, базируется на достаточно строгом отношении к лингвистической реконструкции, когда реальность праязыка воспринимается как *summm desideratum*. По мнению А. Бернабе, праязык в представлении Лемана и Згусты представляет довольно поздний период развития – после отделения анатолийских языков и падения ларингалов. Сам Бернабе, вслед за Адрадосом, подразделяет индоевропейский праязык на три периода [Адрадос 1985].

Мы не случайно так подробно остановились на "Введении". Каждый компендиум создается на основании определенных методологических позиций. Позиция, предложенная испанскими лингвистами, отличается взвешенностью, продуманностью, четкостью. В "Введении" учтены по

³ Первые письменные памятники на хеттском восходят к XVIII в. до н.э.; старейшие тексты на литовском, латышском и албанском были записаны только в XVI в. н.э.

возможности все аспекты и все методы реконструкции. К этому можно было бы добавить следующее. В последние несколько лет можно наблюдать более основательное проникновение методов количественного анализа в сравнительно-историческое языкознание. Первые опыты, оформившиеся в виде теории глоттохронологии, нельзя назвать особенно удачными, т.к. идея о том, что словарный состав должен изменяться с неизменной скоростью, явно неверна. Произвольным выглядит и столбный список, отобранный для сравнения. Но в работах В. Маньчака предложен более взвешенный подход: сравниваются не просто списки слов, а их частотность. И тогда выясняется, что, хотя в румынском словаре свыше двух третей заимствований, в румынском тексте почти 90% слов по происхождению романские, что и доказывает его романский (а не восточнославянский) характер [Mańczak 1977; 1992]. Интересные результаты получены А.Ф. Журавлевым [Журавлев 1994], который рассмотрел не список слов, а все доступные словари славянских языков и подсчитал в них коэффициент сохранности праславянской лексики. Понятно, что такой метод более сложен и трудоемок, чем работа со столбным списком. Но именно он позволяет избежать произвола в оценке языкового родства. Для фонетики и морфологии количественный метод предлагался А.Л. Креббером и К.Д. Кретьеном [Kroeber, Crétien 1937]. Важный импульс для развития статистических исследований дает историческая лингвистика, которая в настоящее время выделилась из сравнительно-исторического языкознания. Эту отрасль можно определить как общую теорию языковых изменений. Здесь большое значение имеет подход, предложенный В. Лабовым [Labov 1994], который рассматривает языковые изменения, начиная от минимальных (различия в фонетике и орфоэпии между двумя ближайшими идиолектами) и кончая базовыми. Именно такое описание позволяет правильно представить язык как открытую, неравновесную, динамическую систему. Для общей теории языковых изменений важна также проблема грамматикализации, которой недавно было посвящено несколько монографий [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994; Norreg, Traugott 1993], потому что именно грамматикализация свободных синтаксических сочетаний является одной из главных движущих сил в изменении морфологического строя языка.

Мы целиком разделяем точку зрения Ф.Р. Адрадоса, А. Бернабе и Х. Мендосы на то,

что индоевропейский праязык имел доступную реконструкцию временную стратификацию. Три периода и их характеристики, предложенные Адрадосом, выглядят достаточно убедительно (хотя можно поспорить о месте анатолийских языков в составе индоевропейской семьи⁴). Но следует отметить, что сходные идеи высказывались и весьма аргументированно развивались 20–30 лет тому назад отечественными лингвистами, прежде всего И.М. Тронским и Э.А. Макаевым [Тронский 1967; Макаев 1977]. И.М. Тронский показал, как разделение реконструкции на ближнюю и дальнюю способствует решению ряда классических дилемм в компаративистике: количество рядов гуттуральных (три в ближней реконструкции, два или один – в дальней); количество серий смычных (четыре в ближней реконструкции, тогда как в дальней возможна вообще иная трактовка оппозиций между сериями; эти соображения отчасти предвосхитили “глоттальную” теорию). Э.А. Макаев, используя приемы установления относительной хронологии, показал динамику развития грамматического строя от позднеиндоевропейского через ранний общегерманский к позднему общегерманскому, верхние границы которого соприкасаются с древнейшими руническими текстами. Остается пожалеть, что испанские коллеги не учли данных, полученных указанными выдающимися лингвистами.

Однако в рецензируемом труде данные реконструкции в соответствии с принципами Тронского и Макаева распределены по различным хронологическим уровням. В главе “Фонетика” основные соответствия между родственными языками рассматриваются без хеттских данных, которым посвящена специальная глава. Это связано с тем вариантом “индохеттской” гипотезы, которого придерживается Адрадос и его ученики: анатолийские языки отделились от индоевропейского континуума не просто раньше других групп, но в принципиально иной период, характеризующийся иной типологией индоевропейского языкового состояния, так называемой монотематической (т.е. с наличием одной основы для

⁴ Конечно, идея об обособленности и исключительной архаичности хетто-лувийских языков достаточно стара, она восходит к Стёртеванту [Sturtevant 1933] и поддержана в работе [Гамкрелидзе, Иванов 1984]. Но нам представляется, что инноваций в этих языках по крайней мере не меньше, чем архаизмов. Впрочем, этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

каждого именного и глагольного корня, в отличие от позднего политематического периода, когда от одного корня образовывались различные основы). Соответственно хеттская фонетика рассматривается не в общей таблице. Но хеттский консонантизм в общем не представляет очень архаичное состояние. Скорее справедливо утверждать, что он сильно изменился по сравнению с общиндоевропейским. Со времен Стёртеванта [Sturtevant 1933] хеттологи отмечали оппозицию одинарных и двойных согласных; первые соответствовали индоевропейским звонким (простым и придыхательным), вторые – глухим: **nebhos* > *nepis* “небо”, но *attas* “отец” – слав. отьць, **jug-* > *iukan* “ярмо”, но **leuk-* “белый” > *lukkizzi* “светает”. Разные исследователи рассматривали эту оппозицию по-разному: противопоставление глухих звонким (первые произносятся с большим напряжением голосовых связок), оппозиция “слабых” и “сильных” согласных [Benveniste 1962]; согласно Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванову, простые графемы воспроизводят глоттализированные согласные, а двойные – придыхательные (заметим, что это мало правдоподобно, так как звонкие придыхательные тоже отражаются в хеттском как одинарные графемы). Таким образом, хеттские данные не играют большой роли в реконструкции индоевропейского консонантизма (не считая, конечно, класса ларингальных).

Вообще же следует отметить большую возмущенность и корректность А. Бернабе в обращении с различными реконструкциями. Автор стремится не столько утвердить единый взгляд на дискуссионные проблемы, сколько изложить различные мнения. Рассмотрим предложенные им решения классических контроверз. Как известно, вопрос о количестве серий в индоевропейской подсистеме согласных был дискуссионным с конца XIX в. К. Бругман реконструировал четыре серии (звонкая и глухая простые, звонкая и глухая придыхательные), критики этой реконструкции указывали на то, что глухая придыхательная серия восстанавливается только на базе древнеиндийского вокализма с довольно сомнительными иранскими соответствиями (аффрикатами и глухими простыми) и несомненными глухими простыми в остальных индоевропейских языках (resp. аспирированными глухими в армянском, соответствующими глухим простым в остальных). Из этого естественно вытекает вывод о том, что глухие придыхательные – древнеиндийское новообразование (возможно, возникшее из

контракции глухих с ларингалом). С другой стороны, реконструкция только звонкой придыхательной серии вызывает у многих исследователей сомнения. Так, Р.О. Якобсон, рассматривая звонкость как отдельный дифференциальный признак, исходил из того, что в языке не может быть рядов или серий маркированных фонем при отсутствии немаркированных. Поэтому наряду с звонкими придыхательными надо восстанавливать глухие. Выше мы отметили мнение И.М. Тронского. Гамкрелидзе и Иванов, на словах поддержав Якобсона, предложили по сути иную интерпретацию понятия маркированности: с их точки зрения, она обратно пропорциональна частотности и употребительности фонемы. Звонкую простую серию Гамкрелидзе и Иванов переинтерпретировали как глоттальную, а звонкой придыхательной и глухой простой приписали придыхательность как факультативный признак [Гамкрелидзе, Иванов 1984]. А. Бернабе же начинает рассматривать этот вопрос с генеративной точки зрения: возможна реконструкция максимальной и минимальной системы шумного консонантизма. В первой – 20 фонем, объединенных в 5 рядов и 4 серии, во второй – 12 (4 ряда, 3 серии). Что же касается конкретных возможностей расширения системы согласных, то Бернабе отмечает очень слабую представленность глухих придыхательных в индоевропейских языках. Глухие придыхательные встречаются либо в экспрессивных словах, либо в сочетании глухого с ларингалом, либо после *s-*. Экспрессивные слова суть: звукоподражания (др.-инд. *kākhati*, общеслав. **хохохъ*), уменьшительные (греч. ιηπ(α)χος “глупенький”), обозначения увечий (арм. *xul* “глухой”), части тела (арм. *glux* “голова”). В этой связи А. Бернабе весьма уверенно и корректно излагает историю возникновения и развития “глоттальной” теории, не присоединяясь к ней решительно, но и не отвергая ее.

Сложнее обстоит дело с реконструкцией рядов гуттуральных. Здесь, как известно, существует несколько противоречащих друг другу гипотез. Дело в том, что для нелабиализованных фонем выводятся две группы соответствий: 1) **kṛtóm* “сто”: лат. *centum*, греч. *ἑ-ταχον*, гот. *hund*, др.-ирл. *cer*, тох. А *kānt*, В *kante*, но др.-инд. *śatām*, авест. *satəm*, лит. *simtas*, слав. **sъto*; 2) **kreu-* “кровь, сырое мясо”: лат. *cruur* “кровь”, греч. *κρέας* “мясо”, др.-исл. *hrar* “сырой”, др.-ирл. *cruaid* “крепкий”, др.-инд. *kravis* “сырое мясо”, авест. *xruva* “кровавый”, лит.

krāujas “кровь”, ст.-слав. *кръвъ*. На этом основании уже более ста лет постулируется существование палатальных, “чистых” и лабиовелярных заднеязычных. Первые в западных языках дали взрывной гуттуральный рефлекс, в восточных – передерядную аффрикату, вторые отразились как заднеязычные во всех языках, третьи – как лабиализованные в западных и чистые заднеязычные в восточных. Но такой реконструкции противоречит наличие дублетов с непоследовательной сатемизацией типа ст.-слав. *камы*, лит. *akmiš*, но также *ašmiš*, др.-инд. *ācman* (< **dk-mon*), из чего можно заключить, что существовало только два ряда гуттуральных. Нелабиализованный отражался в языках *satem* как переднеязычный, но его палатализация нарушалась благодаря каким-то внешним факторам (влиянию фонетического окружения). Для этой контрверзы предлагались разные решения (Дж. Асколи, А. Фик, Г. Харт, В. Георгиев), кратко, но емко рассмотренные А. Бернабе. Автор справедливо отмечает, что эта проблема не имеет однозначного решения. Мы бы только прибавили к его обзору следующее. Во-первых, очень привлекательно выглядит идея И.М. Тронского [Тронский 1967: 61–63] о том, что в ближней реконструкции следует постулировать все же три ряда гуттуральных, а в дальней реконструкции – меньшее количество. Во-вторых, следует отметить идею о возможной реконструкции только одного ряда гуттуральных, которые в сочетании с гласными переднего ряда превращались в палатализованные, а в сочетании с лабиализованными гласными становились лабиализованными. Такой точки зрения придерживались Я. Сафаревич [Safarewicz 1957], О. Семереньи [Szemerényi 1960], из отечественных лингвистов – Ю.В. Откупщиков [Откупщиков 1988] и О.Н. Сорокин [Сорокин 1993].

Несколько иначе выглядит раздел, посвященный реконструкции ларингалов. А. Бернабе здесь следует за Ф.Р. Адрадосом [Adrados 1975], реконструировавшим шесть ларингалов. Но, к сожалению, аргументов в пользу именно такого количества ларингалов не приводится. Можно понять *raison d'être* в реконструкции трех ларингалов: **eH₁* > *e*, **eH₂* > *a*, **eH₃* > *o* (существует и иное обозначение для всех трех ларингалов: **H* – “палатальный” ларингал, **H* – “велярный”, **H* – “лабиализованный”). Но вопрос о том, почему необходимо восстанавливать три “палатальных” и три “лабиализованных” ларингала, остается открытым. На стр. 370–371 рецензируемой книги приведена

обширная таблица рефлексов ларингалов в разных позициях. Она содержит много важной информации, но различия между разными типами однородных ларингалов не дает. Следует заметить также, что далеко не все вариации, приводимые Бернабе, объясняются влиянием ларингалов. Так, кипрское греческое *duFavoi* и аркадское *atuboaas* не имеет никакого отношения к ларинграмм: это “ахейское” сужение *o*, которое, по видимому, не имело полностью фонологического статуса. Ср. микенск. *apedoke* и *aridoke*, аркадо-кипрское окончание 3 л. медиа -*tu* (при общегреческом -*to*).

В разделе же, посвященном акцентуации, явное предпочтение отдается тональной теории в том виде, в каком она изложена в работах В.А. Дыбо [Дыбо 1981] и А. Лубецкого [Lubotzky 1988]. Здесь автор, пожалуй, отходит от максимальной объективности, отличающей большую часть книги. Тональная теория, с одной стороны, подвергается серьезной критике [Халле 1995], с другой, некоторые ее сторонники подчеркивали невозможность прямой экстраполяции балто-славянских тонов на праиндоевропейский уровень [Носк 1993].

К сожалению, в рамках журнальной рецензии нет возможности рассмотреть все проблемы и их решения, предложенные в первом томе “Manual de la lingüística indoeuropea”. Полнота материала (в книге оказались затронуты все вопросы индоевропейской фонетики и морфологии) и взвешенность его интерпретации делают эту книгу достойным вкладом в индоевропеистику. Рецензию на второй том мы надеемся предложить читателям в ближайшем будущем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адрадос Ф.Р. 1985 – Индоевропейский, балтийский, славянский // ВЯ. 1985. № 1.
 Булич С.К. 1904 – История языкознания в России. СПб., 1904.
 Бюлер К. 1993 – Теория языка. М., 1993.
 Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. 1984 – Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. 1–2. Тбилиси, 1984.
 Дыбо В.А. 1981 – Славянская акцентология. М., 1981.
 Журавлев А.Ф. 1994 – Лексико-статистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
 Макаев Э.А. 1977 – Общая теория сравнительного языкознания. М., 1977.
 Маковский М.М. 1980 – Системность и ассистентность в языке. М., 1980.

- Мейе А. 1938 – Введение в сравнительно-историческое изучение индоевропейских языков. М., 1938.
- Откупщиков Ю.В. 1989 – Ряды индоевропейских гуттуральных // Актуальные вопросы сравнительного языкознания. Л., 1989.
- Серебрянников Б.А. 1974 – Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974.
- Серебрянников Б.А. 1992 – Правомерно ли имплицитные связи между элементами языка рассматривать как показатель его типа и системности? // Историческая лингвистика и типология. М., 1992.
- Сорокин О.Н. 1993 – Индоевропейские гуттуральные и их рефлекс в греческом и латинском языке. Томск, 1993.
- Сэпир Э. 1993 – Язык. М., 1993.
- Тронский И.М. 1967 – Общенидоевропейское языковое состояние. М., 1967.
- Трубецкой Н.С. 1958 – Мысли об индоевропейской проблеме // ВЯ. 1958. № 3.
- Халле М. 1995 – Ударение и акцент в индоевропейском // Проблемы фонетики. М., 1995.
- Якобсон Р.О. 1962 – Типологические исследования и их значение для сравнительно-исторического языкознания // Новое в лингвистике. Вып. 2. М., 1962.
- Adrados F.R. 1961 – Estudios sobre las laringales indoeuropeas. Madrid, 1961.
- Adrados F.R. 1963 – Evolución y estructura del verbo indoeuropeo. Madrid, 1963.
- Adrados F.R. 1968 – Die Rekonstruktion des Indogermanischen und die strukturelle Sprachwissenschaft // IF. Bd. 73. 1968.
- Adrados F.R. 1988 – Nuevos estudios de lingüística indoeuropea. Madrid, 1988.
- Beekes R.S.P. 1995 – Introduction in the historical-comparative linguistics. Amsterdam; Philadelphia, 1995.
- Benveniste E. 1962 – Hittite et indo-européen. Paris, 1962.
- Brugmann K., Delbrück B. 1893–1916 – Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1893–1916. Bd. 1–5.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. 1994 – The evolution of Grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Erhart A. 1982 – Indoeuropski jeziki. Praga, 1982.
- Hirt H. 1921–1937 – Indogermanische Grammatik. Heidelberg, 1921–1937. Bd. 1–7.
- Hirt H. 1939 – Das Hauptproblem der Indogermanistik. Halle, 1939.
- Hoch W. 1993–1994 – Der indogermanische Flexionsakzent und die morphologische Akzentkonzeption // MSS. 1993–1994. Hf. 54.
- Hopper P., Traugott E. 1993 – On grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Kroeber A.L., Crétien C.D. 1937 – Quantitative classification of Indo-European languages // Language. 1937. V. 13.
- Labov W. 1994 – Principles of language changes. Philadelphia, 1994.
- Lehmann W.P., Zgusta L. 1979 – Schleicher's tale after a century // Studies in diachronic, synchronic and typological linguistics: Festschrift O. Szemerényi.
- Lubotzky A. 1988 – The system of nominal accentuation in Sanskrit and Proto-Indo-European. Leiden, 1988.
- Mańczak W. 1977 – Le latin classique – langue romane commune. Wrocław, 1977.
- Mańczak W. 1992 – De la préhistoire des peuples indo-européens. Kraków, 1992.
- Pulgram E. 1961 – The nature and use of proto-languages // Lingua. 1961. V. 10.
- Pulgram E. 1965 – Proto-languages as proto-diasystems // Word. 1965. V. 21.
- Safarewicz J. 1945 – Pochodzenie trzech szeregów spółgłosek tylnojęzykowych w prajęzyku indoeuropejskim // Sprawozdania Polskiej Akad. Umiejętności, 1945. T. 6.
- Schleicher A. 1861 – Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1861.
- Sgall P. 1971 – On the notion "Type of language" // Travaux linguistiques de Prague, 1971. V. 4.
- Szemerényi O. 1967 – The new look of Indo-European reconstruction and typology // Phonetica. 1967. V. 7.
- Sturtevant E. 1933 – A comparative grammar of the Hittite language. Philadelphia, 1933.

К.Г. Красухин